

ВОКРУГ СВЕТА

9 1973
СЕНТЯБРЬ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СВОБОДЕ

Пиппа пропадала четыре дня, поэтому можно себе представить, как я обрадовалась, когда она пришла к нам в лагерь под вечер 13 июля. Она появилась со стороны равнины, где ее первые малыши увидели свет и всего через тринадцать дней были убиты гиеной. Теперь эта равнина заросла непроходимым кустарником и вообще не подходила для воспитания малышей — некрупные животные, вроде Пиппы, попадали здесь в целую сеть естественных ловушек.

Потом Пиппа опять исчезла. Целых девять дней она не показывалась — до сих пор она никогда еще не скрывала от меня новорожденных так долго. Но 23-го я вдруг увидела, что Пиппа стоит на возвышении за лагерьем, где я обычно ставила свой «лендровер». Долго и внимательно она осматривала мест-

ность, и эта осторожность очень меня порадовала. Та самая Пиппа, которая в детстве чуть не сделалась завсегдатаем ресторанов в Найроби, теперь вела себя как настоящее дикое животное — хотя «дикие» гепарды в заповедниках Амбосели и Найроби так привыкли к восторженным туристам, что запросто вскакивали в машины и даже позволяли себя гладить! Окончательно убедившись, что все спокойно, она подошла к нам попросить мяса. По ее волчьему аппетиту можно было судить, как она проголодалась. Наевшись, Пиппа пошла обратно своим следом вдоль дороги к Скале Леопарда.

Был полдень, стояла сильная жара, но Пиппа свернула в заросли, только пройдя две мили, и направилась к речке Мулика. Она осторожно принялась и повела меня и Локаля к медоносной акации «погоди немного»

(такую акацию она каждый раз выбирала для устройства «детской»), и там, в глубине куста, я увидела четверых малышей. У двоих, более крупных, глазки были уже открыты. У детенышей предыдущих трех выводков глаза открывались на десятый-одиннадцатый день, и я предположила, что эти малыши родились 15 июля.

Еще через день глаза открылись у всех малышей, и они, моргая, уставились на меня, наморщили носы и зашипели. Я уже была знакома с тем, как дикие детеныши гепарда относятся к присутствию чужого, понимая, что существо другого вида может быть враждебным, но вот что интересно: ведь до сих пор они даже не имели представления о том, что такое опасность.

На следующее утро Пиппа ждала нас. Она не торопясь приступила к еде, как вдруг, услы-

шав негромкие чирикающие звуки, подняла голову и, бросив еду, побежала к своим малышам. Ей пришлось немало повозиться, чтобы собрать всех котят, которые решили пойти за ней, разбрелись и запутались в густой траве. Самый крохотный совсем замучился, продираясь сквозь заросли. Я нашла его, увидела, как он запыхался, услышала отчаянный призыв на помощь и взяла его на руки. Впервые прикоснувшись к шелковистому меху, я едва удержалась, чтобы не приласкать малыша, пока неслась его. Пиппа собрала все остальное семейство в настоящую крепость из колючих ветвей, которые давали густую тень. Я обрадовалась такому чудесному логову, но Пиппа снова ушла искать более подходящее место. Вернувшись, она резким «прр-прр» приказала детям идти следом.

СМЕРТЬ ПОСЕЩАЕТ СЕМЬЮ

Мною всегда руководил один принцип: нельзя, чтобы дикие животные привыкали к людям и переставали их избегать. По всей видимости, Пиппа была вполне со мной согласна: она даже мне не разрешала чересчур вольничать с малышами.

Как-то раз они особенно ко мне приставали, нарочно терлись о мои ноги, увивались за мной, не обращая внимания на Пиппу, которая давно уже говорила «прр-прр», явно намекая, что пора кончать эту игру. Она три раза уносила их в самую чащу, но они неуклонно пробирались ко мне, как только она их отпускала. Особенно ласкался самый маленький — он так и ходил за мной по пятам. Когда Пиппа собралась кормить малышей в свое обычное время — в 10 часов утра, я пошла домой. Утром я подглядывала из-за кустов, как малыши карабкаются на спину Пиппы и скатываются с другой стороны, как они покусывают ее за уши, пока она не дернула головой, так что они разлетелись во все стороны. Они весело катались по земле, стараясь уложить друг друга «на лопатки», шлепали и кусали друг друга, а то вдруг кто-нибудь усаживался на чужую голову, и Пиппе приходилось с мурлыканьем спешить на помощь. В этот раз Пиппа вела себя так спокойно и доверчиво — она знала, что я рядом, но не трогаю ее детей, и это заставило меня глубоко задумать-

ся: почему Пиппа не хочет, чтобы наша с ней дружба распространилась и на малышей? Может быть, она инстинктивно старалась сохранить в семье естественные отношения — несмотря на то, что меня она с шести месяцев считала своей приемной матерью и полностью мне доверяла.

На следующее утро семейство оказалось под большой акацией, нижние ветви которой образовали шалаш над термитником. Кругом поднималась такая непролазная поросль, что гепардов можно было заметить, только когда они шевелились. Наконец я разыскала малышей — они замерли и сидели не шелохнувшись. Немного погодя Пиппа пришла со стороны речки Мулики, подозрительно осмотрела все кругом, убедилась, что малыши в безопасности, и снова собралась уходить.

Пятнадцать минут я шла за ней, несколько раз давала ей мяско, но она съела совсем немного, и когда мы вернулись к малышам, я положила недоеденное мяско на землю. Вот уж этого она от меня не ожидала. Она нарочно отвернулась, а потом забралась в самую глубину логова. Тут новый запах донесся до малышей, и они вылезли посмотреть, что там такое, но, добравшись до мяска, с отвращением наморщили носы и стали плевать и шипеть.

На следующее утро нам пришлось проискать семейство целых два часа, пока мы не наткнулись на него в самом открытом месте. Пиппа едва прикоснулась к мяску — видимо, ей важнее было найти пристанище для детенышей. Наверное, мы задержали их на пути к Мулике, потому что Пиппа опять пошла в ту сторону, а малыши поспешили за ней, кто как мог, кроме самого маленького — его Пиппа неслась почти всю дорогу. Она с нетерпением смотрела на реку, но пришлось дать малышам передышку, и тут она наконец решила поесть. Только вчера я своими глазами видела, какие гримасы корчили малыши при виде мяска, а сегодня один из них терзал его с такой жадностью, что Пиппа не раз одергивала его, чтобы он не обжелься. В этот день малышам исполнилось ровно пять недель.

Теперь я особенно заботилась о том, чтобы остатки еды не привлекли хищников, и клала мяско на кусок брезента, чтобы даже запах не попал на землю.

Пиппа была всегда примерной матерью, и я никак не могла понять, почему она раздавала малышам оплеухи, как только я клала перед ними мяско, или, отозвав их своим «прр-прр», уходила, так что они не успевали к нему притронуться. Почему она не разрешала им есть мяско?

И только через шесть дней после того, как малыши узнали вкус мяска, Пиппа специально показала им, как надо есть, как лакать воду из тазика; это трудное дело они освоили только через несколько дней.

Малышам уже исполнилось шесть недель; и за это время они четырнадцать раз меняли логово, но так далеко, как в этот день, им «переезжать» еще не приходилось. Я решила, что стадия «детской» для них закончилась.

С первыми проблесками рассвета мы пошли к гепардам — на старом месте никого не было. Мы осмотрели всю местность, но через полчаса появилась Пиппа. Нюхая землю, она кружным путем повела меня к развесистому дереву, но, не доходя до него, усадась на землю, а я обошла дерево кругом. Когда я вышла на другую сторону — Пиппа не могла меня видеть, — сердце у меня остановилось. Самый большой котенок лежал мертвый, с прокушенным затылком, возле куста, и никаких следов борьбы, даже крови, на траве не было. Я подняла оконечевшее тельце, чтобы отнести в машину. Пиппа, не видя, что я несусь, пошла дальше.

Мы с Локалем шли за ней, а она, принюхаваясь к земле, повела нас совсем в другую сторону. Примерно через 200 ярдов мы увидели ее утренний след, а рядом — путаницу следов малышей. Тут она повернула к трем кустам. Все более тщательно вынюхивая что-то, она не пропустила ни одного дерева и термитника, осматриваясь, полная тревоги. Проходя мимо двойного куста, я уловила еле слышный звук, напоминающий птичье чириканье. Пиппа не обратила на него внимания и прошла мимо, а я хорошенко пригляделась, раздвинув густую листву, — там прятались трое малышей!

Я пошла вдоль дороги к Пятой миле, разыскивая следы трагедии. Вот отпечатки лап Пиппы, примерно через триста ярдов они переплетались с отпечатками лап львицы или молодого льва, но потом разошлись в разные стороны. Пиппа пошла к долине

Мулики, где, как я уже знала, она спрятала своих детенышей. Должно быть, лев шел по дороге, потом почуял запах гепардов и свернул к развесистому дереву. Самый большой и храбрый детеныш, наверно, выбрался наружу, чтобы защитить свою семью — он не раз защищал их и от меня, если я подходила слишком близко, — и лев тут же его прикончил. Пиппа тем временем выскользнула из куста с другой стороны. Возможно, она потом возвратилась к малышам

Как же так вышло, что самый крупный котенок в самом начале жизни погиб без всякой видимой причины? Напрашивался единственный логический ответ — взрослые хищники часто убивают потомство других хищных видов, чтобы устранить возможных соперников. Несколько раз мы находили львят, умерщвленных леопардами, и наоборот; жертва всегда оставалась нетронутой.

...Мы обнаружили Пиппу только на третий день к вечеру, недалеко от Мулики, — она,

расте питались в основном ее молоком.

Мы решили, что настало время дать малышам имена. Самочку мы назвали Сомба, крупного самца — Биг-Бой — Большой, а его маленького брата Тайни — Крошка. Тайни был мой любимец, и не только потому, что был как две капли воды похож на Мбили, которую я любила больше всех детенышей предыдущего выводка, а еще и за то, что он был такой же заморыш. Но если ему недоставало физи-

На заре культуры наши предки приручили и сделали домашними несколько видов диких животных. Особенная генетическая пластичность, свойственная именно одомашненным животным, позволила человеку вывести и прекрасных, и забавных, и гротескно-нелепых животных — а главное, подходящих для самого человека. Но при этом все больше проявлялось и закреплялось еще одно, общее для всех домашних животных качество: они уже неспособны были вернуться к дикой жизни, они не сумели бы постоять за себя в борьбе за существование: взяв на себя заботу о домашних животных, человек полностью исключил влияние естественного отбора.

Оказалось, что такая участь грозит не только домашним животным, но и тем, которые вообще побывали в руках человека. Если такое животное просто выпустить на волю, оно обречено на более или менее скорую и жестокую гибель. Не только враги или суровая природа, но и собственные дикие сородичи зачастую расправляются с таким «отщепенцем».

Тогда зачем подвергать опасностям «дикий» жизни животное, которому уже пришлось жить рядом с человеком? Не чудачество ли это? Почему при виде золотоглазой самочки гепарда, невозмутимо восседавшей на собственном стуле за столиком ресторана в Найроби, у Джой Адамсон возникла мысль — вернуть ее к жизни на свободе, превратить эту изысканную игрушку в настоящее дикое животное? Кому, как не Джой Адамсон, знать, что это невероятно трудное, а может быть, и непосильное дело? Хотя первый опыт — со львицей Эльсой, описанный в книге «Рожденная свободной», оказался удачным, но ведь гепарды совсем не похожи на львов — это скрытные, осторожные, замкнутые животные. И по этому опыту Д. Адамсон знала, что возвращение животного к жизни на свободе — затяжной процесс, он требует длительного контакта с человеком, пока звери не научатся самостоятельно охотиться, отвоевывать себе территорию в борьбе с дикими сородичами и не приобретут иммунитет

к местным болезням. Джой Адамсон, ее мужу Джорджу и помощникам-африканцам Локалю и Стенли приходится подкармливать их, защищать от местных хищников и даже лечить в случае болезни. Работа эта непрерывная, опасная и трудная.

Описанию возвращения самки гепарда Пиппы к жизни на свободе посвящена книга Джой Адамсон «Пятнистый сфинкс» (Москва, «Мир», 1972).

Дело тут не только в любви к этим животным. Джой Адамсон, как и многие натуралисты, все люди, близкие к природе, с болью осознает, что дикие животные на Земле исчезают с пугающей быстротой. В результате деятельности человека уже перевелось около тысячи видов живых существ, и многим еще — в том числе и львам, и гепардам — грозит гибель в ближайшие десятилетия.

Вот почему можно назвать работу Джой Адамсон спасательной экспедицией.

Некоторые биологи, видя, как человек неуклонно теснит и обрекает на вымирание множество видов диких животных, полагают, что можно будет, добившись размножения их в неволе, поддерживая их существование в искусственных условиях, затем взять да и выпустить сохранных таким образом животных в каком-нибудь заповеднике. Но в искусственных условиях зоопарков меняется и наследственная структура вида, и, скорее всего, через несколько поколений такие животные будут навсегда обречены оставаться нахлебниками — и узниками — человека.

В работе Джой Адамсон, которую она называет экспериментом, рождается совершенно новая методика сохранения природного генофонда нашей планеты — приучение к жизни на свободе животного, выращенного человеком.

Вторая книга Джой Адамсон о гепардах — «Пиппа бросает вызов», посвящена жизни четвертого выводка Пиппы. И здесь Джой Адамсон верна себе — точные и добросовестные описания жизни гепардов проникнуты глубокой любовью и искренним сочувствием к ним.

и, спрятав их в двойном кусте, пошла разыскивать четвертого детеныша. Когда мы встретились, она шла именно оттуда.

Когда я возвратилась на дорогу, Пиппа привела меня прямо к двойному кусту, возле которого стоял на страже одинокий слон. Я решила дать ему время для отступления и сходила за мясом и водой для малышей. Когда я вернулась, слона уже не было. Немного спустя Пиппа позвала «прр-прр», и малыши выползли из куста. Они были очень перепуганы. Несмотря на то, что Пиппа подавала им пример, показывая, как есть кишки на манер спагетти, они ели очень осторожно, то и дело озираясь. Самочка была особенно обеспокоена и кидалась под прикрытие куста, стоило мне чуть пошевелиться.

должно быть, слышала, как мы ее звали все предыдущие дни. Она была ужасно голодна — наверное, и малыши проголодались не меньше, но она так и не позволила им выйти из укрытия, а сама съела невероятное количество мяса. Мы ушли, так и не повидав малышей.

Я понимала, что теперь Пиппа боится выпускать детей из укрытия, когда стемнеет, и старалась кормить семейство по утрам. Малыши не могли съесть много за раз, но с удовольствием ели часто, с небольшими перерывами в течение дня. Поэтому я нередко оставалась рядом с гепардами весь день. Пиппа окончательно перестала кормить молоком своих прежних детенышей в возрасте восьми недель, а теперешние малыши в том же воз-

расте питались в основном ее молочной силой, то обаяние и смелость искупали этот недостаток, а глаза у него были чудесные — красивые и выразительные.

Биг-Бой тоже был удивительно мил, но в другом роде. Он был не только самый красивый и самый добродушный из всех детенышей, но главное — своей непоколебимой уверенностью внушал уважение всем окружающим и уже в этом возрасте стал их признанным вождем.

Сомба была умнее остальных, но характер у нее был очень не простой. Сознвая свою слабость, она чисто по-женски защищалась, нападая. Припав к земле, как перед прыжком, она опускала голову и глядела исподлобья, прицеливаясь, чтобы внезапно размахнуться и ударить сразу обоими передними лапами. Я не могла понять, как она ухит-

рется при этом не опрокинуться, но надо признаться, что это был отличный способ защиты: как ни мала она была, я не решалась и пальцем двинуть, если Сомба была в плохом настроении. Когда я дала ей как-то целую голову от туши, она особенно часто демонстрировала свой излюбленный прием. Может быть, она считала эту голову своей добычей — хотя, насколько мне было известно, ей еще ни разу в жизни не приходилось охотиться. Было очень интересно смотреть, как малыши закрывают глаза, чтобы не отвлекаться, когда надо разгрызть мелкие кости.

Когда Биг-Бою было одиннадцать недель и пять дней, он сосал Пиппу в последний раз. Я подозревала, что он просто сосет «пустышку», и с этого дня ежедневно проверяла, есть ли у Пиппы молоко — как ни удивительно, молоко у нее оставалось до тех пор, когда котяткам исполнилось двадцать четыре недели и три дня. Как раз в этом возрасте у прежних детенышей Пиппы появились признаки рахита, и были три сломанные лапы на всех. Мне радостно было сознавать, что телерешные малыши вовсе не страдают от таких нападений — все они в отличной форме, и энергии у них хоть отбавляй.

ПОЖАР И ПОТОП

Начинался октябрь, приближался сезон дождей. Перед дождями в заповеднике обычно выжигают сухую траву, чтобы новая лучше росла; в огне гибнут и паразиты, отравляющие существование диким животным. Я просила директора прислать рабочих поджечь траву вокруг моего лагеря, — чтобы потом огонь с равнины не перекинулся к нам.

Пожар в степи для Пиппы был не в новинку, но малыши страшно пугались даже легкого запаха дыма, а Сомба все время тревожно принюхивалась. Несколько дней назад семейство перебралось к Мулике, где можно было играть на термитнике в тени большого дерева. Малыши сразу же изобрели новые игры: они скатывались со склона, как на салазках, или играли в прятки среди причудливых закоулков. Самой любимой была игра «Кто кого столкнет» — они без конца сражались за большую впадину на вершине термитника, где мог удобно устроиться только один. Но еще интереснее было прыгать туда-сюда через речку —

через некоторое время они научились при этом не шлепаться в воду.

Когда кольцо огня стало смыкаться, Пиппа, не теряя времени, занялась спасением малышей. И хотя пламя было еще далеко, маленькие гепарды старались удрать побыстрее и со страху попадали в воду, забыв все свои безукоризненные прыжки. Потом они выкарабкались кое-как на другой берег — и только я их и видела. Мне было интересно наблюдать их отношение к пожару, совсем непохожее на поведение других хищников. В Серенгети львы усаживались так близко к пляшущим языкам огня, что нередко крупные искры подпаливали им шерсть.

Через два дня мы отыскали наше семейство в середине трех кустов. Обнаружить его нам удалось только потому, что один из малышей выдал всех еле слышным «чирканьем». Мы ехали по спальной, черной земле на машине, и внезапная остановка у куста, должно быть, напугала малышей. Они в полной растерянности смотрели на покрытую пеплом пустыню, да и Пиппа никак не решалась вывести их на равнину — ведь на черной земле их золотые фигурки стали теперь отлично видны. Особенную бдительность проявляла маленькая Сомба — и хотя ей всего-то было три месяца от роду, она так же неутомимо, как Пиппа, высматривала издали малейшие признаки пожара. А увидев огонек, тут же бросалась бежать. За последнее время она стала очень злобной и прекрасно понимала, как действует на остальных ее особый бросок. Тут даже Пиппа предпочитала держаться от нее подальше. Маленькая кошка с рычаньем перекатывалась и увертывалась, не спуская глаз с матери, и вдруг взвивалась вверх и яростно ударяла когтями; Пиппе удавалось избежать удара, только подскочив в воздух сразу на всех четырех лапах. Сомба нападала раз за разом, а Пиппа все прыгала — а потом отошла в сторонку. Она не стала силой укрощать разбушевавшуюся дочку, а дождалась, пока воинственный пыл Сомбы поуляжется. Немного спустя малышка обняла мать, все ссоры были позабыты, и они улеглись, довольные, рядом.

...Теперь мне приходилось соблюдать осторожность. Пиппа не желала, чтобы молодые получали пищу в первую очередь. Это вызывало у нее приступ ревности,

и она уходила, своим «прр-прр» приказывая им идти следом — все равно, успели они поесть или нет. Чем чаще Сомба применяла свой бросок, тем меньше желания было у Тайни брать свою долю с бою. Обычно борьба за еду заставляет звереньша есть, даже если он еще не проголодался, но Тайни понял, что ему не устоять перед выходками Сомбы, и он просто-напросто садился в сторонку, поджидая, когда я покормлю его из рук. Очень скоро это вошло в привычку, и он внимательно следил, как и куда я прячу его порцию от всех остальных, а потом ждал удобного момента, чтобы спокойно поест. Все гепарды очень любили жир зебры и трахеи разных животных, и я часто прятала внутрь костную муку, которую они недолюбливали. Сомба, увидев, что я сыплю костную муку в их любимое лакомство, начинала бросаться на меня, чтобы я не смела портить хорошую еду.

Пожары бушевали по всей местности, где Пиппа обычно бывала, и только равнина за рекой Васоронги уже не дымилась и не тлела. Туда, примерно за четыре мили вверх по течению от моего лагеря, Пиппа увела детей. Там мы и встретились однажды утром около только что убитой молодой газели Гранта. Туша была еще не тронута, и как только я приблизилась, Сомба тут же налетела на меня с невероятной злобой — она бросалась, шипела и рычала, а глаза у нее горели так непримиримо, что я, честно говоря, испугалась. Конечно, меня радовало, что она ведет себя как дикое животное, борющееся за первую настоящую добычу. Впрочем, это было естественное поведение самки, которая должна охранять добычу; самцы не возражали против моего присутствия. Как ни странно, Сомба тут же присоединилась к братьям, когда я протянула им тазик с молоком, но, едва я осмеливалась двинуться к ее добыче, она опять бросалась на меня.

А гроза уже приближалась, темные тучи, готовые вот-вот хлынуть на землю дождем, нависли, закрывая горизонт. Раскаты грома то и дело тревожили гепардов, и малыши в ужасе вздрагивали, слышав ворчанье с неба, так что, в конце концов, Пиппа позвала их «прр-прр», и все они скрылись.

Гепарды всю неделю держались на этой равнине. Чтобы добраться до них, нам приходилось

переходить вброд речушку, которая день ото дня становилась глубже. Наконец, после сильнейшего дождя, который лил всю ночь, мы не смогли ее преодолеть. Но, на наше счастье, след гепардов обнаружился на нашей стороне речки. Я решила, что Пиппа просто не хотела лишаться мяса, которое мы ей давали, но она снова показала мне, как плохо я понимаю ее поступки. Она не пошла к нашему лагерю, хотя прекрасно знала, что там для нее запасено мясо, а прошла две мили в другую сторону, на равнину, где паслось множество газелей Гранта и зебр. Мне стало совершенно ясно, что она предпочитает вырастить своих детей дикими и свободными и не хочет приучать их к нам.

Вскоре мы приехали на машине и оставили ее примерно в четырехстах ярдах от дороги, увидев, что к нам несется стадо газелей Гранта. Потом показалось и наше семейство. Пока мы готовили еду, Пиппа исчезла, но зато приказала малышам не трогаться с места, и они беспрекословно подчинились — так что нам пришлось тащить к ним мясо. Она не сводила глаз с дороги и вскоре перешла поближе к ней и уселась. Я принесла Пиппе молоко. Теперь все объясни-

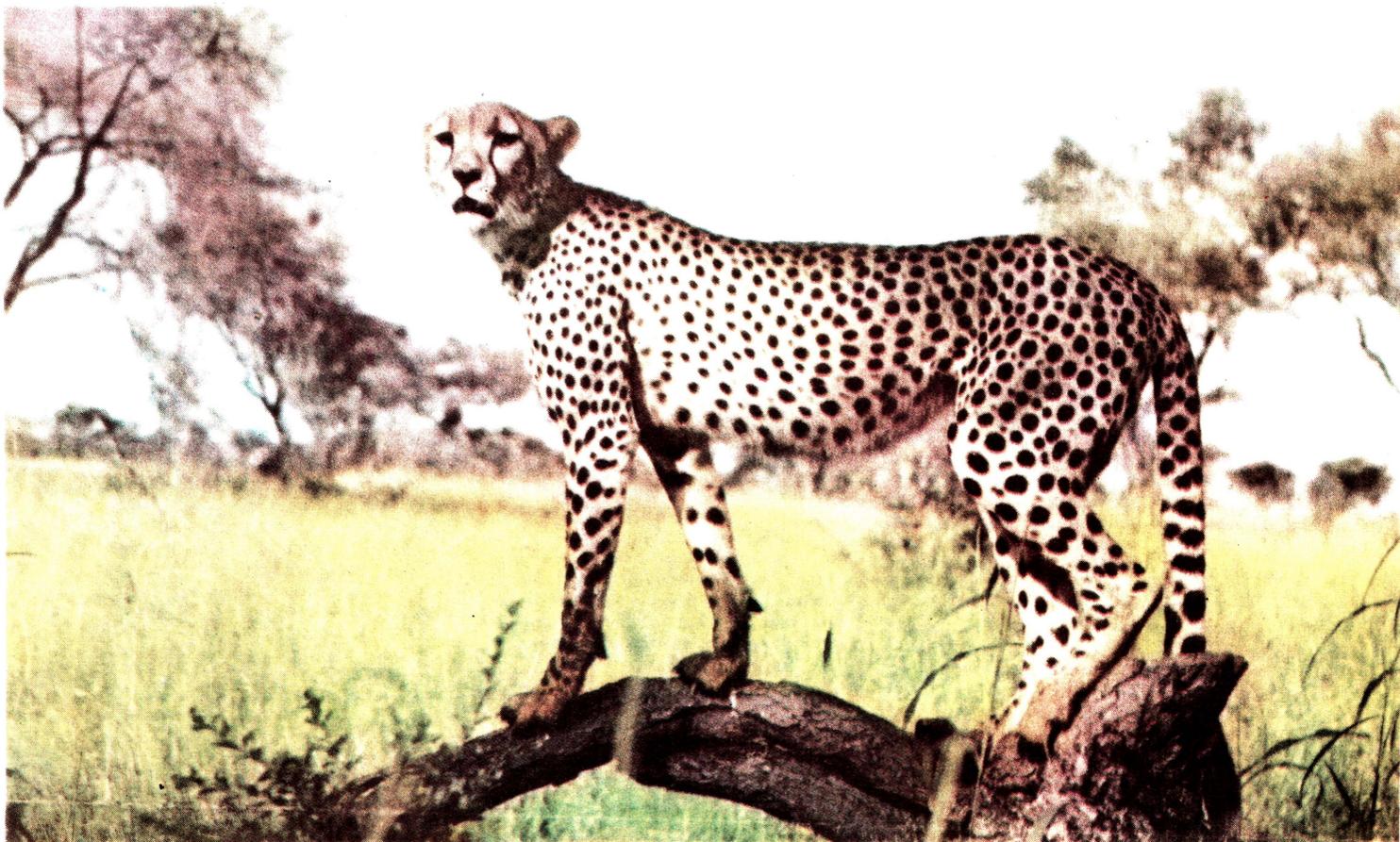
лось — она сторожила молодую газель Гранта, которую только что задушила. Я поняла, что она старалась по-своему объяснить мне, что произошло, — она бросила добычу и пошла за мной, чтобы показать, что нельзя оставлять тушу возле дороги. Я перенесла добычу подальше от дороги, чтобы гепарды могли есть, не боясь шума машин.

Я с огромным интересом наблюдала за поведением Сомбы. Когда я попыталась подойти к добыче, Сомба бросилась на меня еще яростнее, чем раньше, — опустив голову, она шипела и старалась ударить меня сразу обеими передними лапами. Только увидев, что братья принялись за еду, она помчалась к туше защищать свою долю и в мгновение ока прогнала их прочь. Я от души сочувствовала бедной Сомбе: как тут было не запутаться? С одной стороны, я была для нее другом, достойным доверия, — я каждый день приносила ей хорошее мясо, но внезапно все ее дикие инстинкты восставали, и она бросалась защищать от меня свою еду. Дело не только в том, что у самок инстинкт охраны добычи сильнее, чем у самцов, — нет, она еще и прекрасно знала, что уступает братьям в силе, и поэтому все

время была настороже. Чтобы она не становилась слишком агрессивной, я нарочно стала кормить ее в первую очередь.

Да, у Пиппы можно было поучиться обращению с маленькими гепардами. Она принимала во внимание несхожие характеры своих детей и умела с необычайным тактом добиться их послушания. За последнее время Сомба объявила войну не только мне, но, кажется, и всему собственному семейству. Она становилась такой опасной, что мне иногда приходила в голову мысль избавиться от нее; но, глядя, как Пиппа управляется со своей буйной дочерью, как ей всегда удается смирить и развеселить ее, я поняла, что не имею права вмешиваться.

Дожди разбушевались так, что ездить на машине стало невозможно. Гепардам дождей перепало в избытке — они почти не высохали. Понятно, что частенько у них портилось настроение. Много раз мы видели, как они сбиваются в кучку под хлещущим ливнем, стараясь устроиться спиной к ветру. Но, когда проходил самый сильный ливень, малыши снова начинали веселиться и, носясь друг за другом по лужам, окатывали нас с ног до головы. После очередной не-

настной ночи мы нашли гепардов в полумиле от лагеря. Это значило, что они переплыли разлившуюся, полную крокодилов Вассоронги. Я не могла себе представить, как им это удалось, — перепрыгнуть через речку теперь было невозможно, и мы сами, попытавшись незадолго до того перейти ее вброд, погрузились в воду по пояс, и, как мы ни цеплялись за нависающие ветки, стремительное течение едва не сбilo нас с ног, и пришлось вернуться назад.

ЛВЫ И СТРАУСЫ

На другой день после рождения мы отыскивали гепардов возле Пятой мили. Моросил мелкий дождик. Пиппа была очень спокойна и все время вытягивала шею, стараясь разглядеть что-то за высокой травой. На размытой дождем земле было невозможно разобрать следы, и нам не удалось узнать, что ее так взволновало. На следующее утро она опять не находила себе места и, едва успев проглотить мясо, увела детей далеко от нас, на равнину. На дороге нам попал след двух львов. Внезапно у меня появилось необыкновенное чувство, что на нас кто-то смотрит, и почти в ту же секунду Локаль схватил меня за плечо и шепнул, что львы затаились в кустах у самой дороги. Как только мы остановились, львы поднялись и стали смотреть на нас. Потом повернулись и не торопясь пошли в сторону, противоположную той, куда ушла Пиппа. Должно быть, им стало сложно охотиться в сырости около болота Мугвонго, и они решили отправиться на поиски новых охотничьих угодий. Из-за львов нам стало очень трудно разыскивать Пиппу — львы отлично знали сигнал, которым я извещала о своем прибытии, и могли явиться на запах мяса, которое мы несли гепардам.

Теперь-то я поняла беспокойство, мучившее Пиппу, — вся местность превратилась в сплошное болото, а деваться ей было некуда, пришлось остаться на том небольшом участке, где мы видели ее в последний раз. На следующее утро она опять была там, и ее все так же грызла тревога — ясно, что львы еще рыскали вокруг. Покормив наше семейство, мы проводили гепардов к невысокому термитнику — оттуда им было удобно осматривать местность, но зато

и сами оставались на виду. Потом мы отправились домой, но не успели далеко отойти, как из высокой травы, не больше чем в десяти ярдах от нас, показалась голова льва. От страха я застыла на месте, но тут же узнала Угаса. Он посмотрел на меня своим единственным глазом¹, как будто ничего особенного не произошло — а почему бы нам не повстречаться в этих местах? — и через несколько минут скрылся в траве. Только теперь я почувствовал, что сердце у меня опять начинает биться. Ведь мы совершенно точно знали, в каком месте прячется Угас, и все же не смогли заметить ни малейшего признака его присутствия.

Наутро весь заповедник утопал в густом тумане, ничего не было видно дальше нескольких метров. Такого тумана я не припомню за все десять лет, проведенных в заповеднике. Как я испугалась, увидев следы гепардов, перепутанные со львиными следами, на дороге к Канаве Ганса! Но возле сухого русла мы нашли все семейство в целости и сохранности. Они устроились на термитнике у дороги. Здесь рабочие недавно выкопали две глубокие осушительные канавы. Обе канавы соединяла бетонная труба, проложенная на глубине трех футов поперек дороги. Как только рассеялся туман, молодые гепарды сообразили, что труба — замечательное место для игры.

Потом игра в кошки-мышки им наскучила, и они перешли на кучи гравия, рассыпанные вдоль дороги. Как только кто-нибудь становился «властином горы», он яростно защищал свои позиции, если соперники дерзали подкапываться под него или тянуть его вниз за хвост. Наконец все они в полном изнеможении, запыхавшись, бросились на землю под большой терминалией — дерево удивительно удобно росло почти на самой дороге: оно не только давало густую тень, но и могло послужить отличной сторожевой вышкой, если забраться на нижние ветки. Я села рядом с Пиппой и, глядя шелковистый мех, слушала ее мурлыканье.

Семейство пробыло там, пока не возобновились дорожные работы. Тогда они ушли на мило дальше, к дереву, на котором был огромный пологий сук, — мне представилась блестящая

возможность поснимать гепардов, позирующих на фоне неба, или их сражения за самое удобное место. Мы с тех пор так и звали это дерево «фотодеревом». Мне только что прислали портативный магнитофон, я носила его с собой вместе с «лейкой», кинокамерой и биноклем. Микрофон можно было поднести к гепардам на расстояние нескольких сантиметров — это их не беспокоило, и мне удалось сделать очень хорошую запись разных звуков и всех оттенков «чирикания».

Ежедневно разыскивая гепардов, мы иногда встречали семейство страусов — птенцы вылупились три месяца назад. Сначала их было тринадцать, но теперь в живых осталось только пятеро. Крохотные страусята были легкой добычей, и я своими глазами видела, как орел спланировал вниз и схватил одного страусенка, прежде чем родители успели опомниться. (Пиппа не могла справиться со взрослым страусом, но в свое время добыла несколько страусят.)

До сих пор я неукоснительно соблюдала принятое мной правило — не разрешать чужим людям приближаться к гепардам, — как бы мне ни было порой одиноко, как бы ни хотелось познакомиться с людьми. Становилось досадно, когда машины с туристами объезжали мой лагерь — повсюду прошел слух, что я всех отаживаю. Я вовсе не отшельница, и мне подчас было нелегко оставаться верной своим принципам, но все же они себя оправдали — мои гепарды были гораздо осторожнее, чем дикие гепарды в других национальных парках. Разумеется, я не могла запретить посетителям останавливаться и наблюдать за гепардами из машины, если уж им удавалось отыскать их в зарослях, — в конце концов, они приезжают сюда посмотреть на животных. Но это совсем другое дело — ведь если бы я сама знакомила чужих людей с гепардами, то звери могли бы принять чужих в нашу большую семью. До тех пор пока эта привилегия сохранялась только за мной, Локалем и Стенли, ничто не угрожало гепардам — как только мы расстанемся с ними, их дикие инстинкты полностью восстановятся.

Окончание следует

Перевела с английского
М. КОВАЛЕВА

¹ Незадолго до этого ему удалили поврежденный глаз.

однако сейчас это сообщение Геродота все больше и больше подтверждается новыми исследованиями.

Переселившись в Италию, создавая свою блестящую городскую цивилизацию, этруски, видимо, не забывали и предания о волке-прародителе. В V—IV веках до новой эры безвестным этруским скульптором была создана бронзовая статуя Капитолийской волчицы. (Младенцы Ромул и Рем, кстати, к ней были присоединены позднее, в эпоху Возрождения.) Римляне, переняв у этрусков их знания, ремесла и верования, создали свою легенду о капитолийской волчице и вскормленных ею основателях Рима.

Итак, можно с достаточной уверенностью предположить, что истоки легенды о капитолийской волчице и Ромуле и Реме, легенды, которая с детских лет лежит в основе нашего восприятия римской мифологии, — на бескрайних просторах ираноязычной части Азии.

...А затем начался обратный путь легенды. По караванным дорогам, связывавшим в раннее средневековье Иран, Среднюю Азию с Византией, наследницей римской культуры. Нет, легенда, конечно же, не исчезала на своей прародине. Но она возвращалась, обогащенная и дополненная, облекшаяся в чеканные латинские формы, как потомок на землю своих предков...

Раскопки на городище вблизи Шахристана продолжают. Древние хроники манят нас призраком третьего дворца великого Бунджиката. Найдем ли мы этот дворец, а если найдем, то какие шедевры искусства обнаружим там, — никто в нашей экспедиции предсказывать, конечно, не берется.

Но неоспоримо, что уструшанская роспись раскрывает еще один, доселе неизвестный, момент сложной истории взаимосвязей культур Востока и Запада, Азии и Европы. Она свидетельствует, что в данном случае Восток был тем источником, откуда Запад в лице античного Рима почерпнул сюжет своего официального предания, доведя его через все века до нашего времени. И закончить свою статью мне бы хотелось словами академика Б. Гафурова: «Многие страницы человеческой истории убеждают нас в том, что Запад и Восток не раз плодотворно соприкасались. Наша задача — восстановить и снова прочесть страницы, которые по разным причинам пока остаются скрытыми или непонятными».

ДЖОЙ АДАМСОН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

К СВОБОДЕ

В конце января я выехала на «лендровере» в Найроби. Мы были уже на полпути, когда дорога пошла вверх по крутому склону холма высоко над рекой. За поворотом я увидела, что прямо по середине дороги идут двое. Я стала сигналить, но они как ни в чем не бывало шествовали дальше, взявшись за руки; мне оставалось одно: свернуть к самой обочине над обрывом. Гравий с краю еще не слежался, машина пошла юзом и налетела на километровый столб.

Я пришла в сознание на середине откоса в куче битого стекла, рядом валялась разбитая машина. Первой мыслью было — что с нашим помощником, который сидел в кузове? Он выбрался из машины, слава богу, с одной единственной царапиной на лбу. Ему сказочно повезло — машина перевернулась, падая с откоса. Но еще больше нам повезло, что машина застряла в кустах на середине откоса и мы не свалились в речку. Как только я шевельнулась, правую руку пронзила острая боль. С трудом мы выбрались вверх, к дороге; кровь из руки так и хлестала.

Показался автобус, где среди пассажиров ехал местный вождь. Нас довезли до Эмбу...

За месяц, проведенный в больнице, мне хватило времени подумать о том, как мне повезло, что я вышла живой из этой катастрофы, и эта мысль утешала каждый раз, когда на меня нападала хандра; ведь я знала, что пройдет не меньше двух лет и понадобится не одна операция, прежде чем я снова смогу пользоваться правой рукой — если вообще смогу...

Дирекция национального парка составила для меня подробную программу действий, в которой

было указано, какую работу с гепардами мне разрешают проводить. Я должна была постепенно уменьшать подкормку гепардов, а 1 декабря совсем прекратить кормление.

...Так в этот день мы и брели к ним: я, увешанная камерами, биноклем, магнитофоном и мегафоном, и помощник — с корзиной мяса, бидоном воды и винтовкой. Зверей мы нашли на равнине Мулики. За несколько следующих дней они прошли по большому кругу и вернулись обратно к нашему лагерю. Вот уж этого я меньше всего хотела — не хватало только, чтобы они привыкли к лагерю! Ведь нашей задачей было вернуть им свободу, не помогли — гепарды только перешли через речку и обсоновались под «акацией добычи».

Однажды мы видели, как Пиппа подкрадывается к стаду водяных козлов. Она едва не схватила козленка, но мать его отбила. Я со страхом смотрела, как антилопа пытается ударить Пиппу копытцами, защищая своего малыша, — ведь взрослый водяной козел весит до четырехсот фунтов, а Пиппа — никак не больше ста двадцати, так что перед ней был действительно серьезный противник.

Мы записали на магнитофон разные звуки, издаваемые гепардами, — большинство из них поразительно походило на щебетанье и чириканье птиц. Я много раз проигрывала гепардам свои записи, но их собственный визг в драке за еду, чириканье или мурлыканье оставляли их совершенно равнодушными. Когда же сегодня я дала им послушать свирепое рычание, записанное накануне, они тут же удрали.

Все почему-то думают, что ге-

Главы из книги.
Окончание. Начало в № 9.

парды робки и неопасны по сравнению со львами и леопардами; но это верно только отчасти — гепарды никогда не становятся людоедами. Пиппа всегда старалась показать мне свою любовь — терлась головой, прижималась, ловила мои ноги, игриво прикусывала руку; а когда была довольна, то мурлыкала и смотрела на меня ласковыми глазами. Что говорить, мы обе знали, что

это настоящая дружба. Но теперь кругом все время сновали какие-то люди, ни на минуту не оставляя нас в покое, — какие уж тут нежности! Куда бы Пиппа ни повернулась, ей тут же совали в морду микрофон, или нацеливали на нее камеру, или подъезжали в машине и глазели на нее в бинокль.

Через некоторое время в лагерь приехал мой новый помощ-

ник Бен. Пока мы болтали, гепарды пришли в лагерь. Пиппа придирчиво осмотрела незнакомца. Под конец она разрешила ему погладить себя. Чтобы окончательно испытать его, она подержала в зубах его руку и, убедившись таким образом, что Бен «свой», позвала детей: «Пррр-пррр». Меня очень обрадовал такой дружеский прием: мне нужно было отправляться на лечение в Лон-

дон, и оставалась всего неделя, чтобы дать возможность Бену и гепардам освоиться друг с другом.

Звери как ни в чем не бывало ревелись возле нас около часа, а потом Пиппа повела их по дереву-мостику. Дойдя до середины, она уселась на тонком стволе, не давая прохода молодым. Те подталкивали ее, напирали, а она и не думала уступать. По стволу можно было пройти только гуськом, так что молодым гепардам пришлось по очереди проделывать несколько трюков, подобно гимнастам под куполом цирка, чтобы перелезть через собственную маму, да при этом не поскользнуться и не свалиться в воду. Только когда все благополучно перебрались через нее, Пиппа сошла со своего опасного места. Наверное, она хотела приучить их рассчитывать свои движения...

Мне было очень больно расставаться с гепардами, но я знала, что Бен не бросит моих друзей — они удивительно быстро признали его. Мы договорились, что он будет два раза в неделю посылать мне подробные отчеты. Я оставила ему больше денег на еду, дала адреса двух ветеринаров и свой «клендровер».

За все тягостные месяцы в Лондоне мне становилось легче, лишь когда приходили письма от Бена; он писал, что все идет хорошо. Пиппа перестала приходить в лагерь сразу же после моего отъезда и поселилась выше по реке, на равнине. Он отыскал там молодых, но они не обратили на его крик никакого внимания.

Через несколько дней, разыскивая гепардов, Бен услышал, как Пиппа зовет молодых. Когда он подошел поближе, мамаша оставила выводок, пошла к нему и очень придирчиво его осмотрела — на нем была новая рубашка. Убедившись, что это все-таки он, она подозвала молодых. Это очень важно: есть достоверные сведения о том, что два служителя были убиты львами и тиграми только потому, что вошли в клетку в незнакомой одежде. Меня всегда удивляло то, что кошачьи не принимают во внимание более постоянные признаки — например, запах, внешний вид или движения близких к ним людей. Может быть, они так подозрительно относятся к незнакомой одежде просто потому, что сами-то никогда не меняют шкуру — не то что мы с нашими переодеваниями...

В последующие несколько недель Пиппа расширяла свои вла-

дения. Бен обратил внимание, что теперь она заявила права на новые территории, избегая тех, которые назначила во владение своим предыдущим детям. Это было последовательное поведение: ведь она никогда не приводила теперешний выводок на те места, где любил играть прежний.

Молодым исполнился год, и, судя по тому, как часто гепарды убивали добычу, они теперь охотились сами, причем на расстоянии до четверти мили от матери. Зачастую семейство собиралось вместе только поесть.

Несмотря на все эти чудесные новости, я чувствовала себя в Англии все хуже и хуже. Я готова была вынести что угодно, только не лондонскую суету, да еще в летние месяцы, — я ведь привыкла к безграничному простору, к жизни на свежем воздухе... Мне было очень интересно посмотреть, как содержат гепардов в Уипснейдском зоопарке в Bedfordshire. Директор зоопарка любезно познакомил меня с историей гепарда Хуаниты — она принесла уже два выводка. Второму как раз исполнился год, и все они были в прекрасном состоянии. Я видела этих гепардов — они сбились в кучку посередине довольно тесного загончика, где росло развесистое дерево. В дальнем углу были деревянные навес и маленький вольер, в котором лежал больной гепард из предыдущего выводка. Кроме этой загородки, здесь не было ни единого местечка, где можно было бы затаиться или ползать вволю.

Но тройке гепардов в зоопарке Риджент-парк, в самом центре Лондона, приходилось гораздо хуже. Каждый сидел в крохотном вольере с деревянной конурой в углу, а земля была засыпана гравием — конечно, так легче поддерживать чистоту, но ведь гепарда это совершенно неестественная обстановка. Они могли разве что потеряться носами через проволочную сетку или разглядывать леопардов, львов и тигров, рассаженных по клеткам напротив, — их разделяла только узкая дорожка, с которой посетителям были видны сразу несколько видов кошачьих. Гепарды с полным равнодушием взирали на львов и леопардов. Какие страдания приходится претерпевать диким животным, чтобы хоть как-то приспособиться к этой неестественной жизни, если она заставила их потерять страх даже перед природными врагами. Разве мог гепард чувствовать себя нормально в таких условиях?

Я очень долго беседовала с директором, стараясь подчеркнуть, что свобода передвижения и возможность уединяться для гепардов гораздо важнее, чем для остальных кошачьих. Я сказала ему, что территория Пиппы в заповеднике Меру занимает шестьдесят три квадратных мили и она там бродит как ей вздумается вместе со своими детьми. Но ни один зоопарк не сможет предоставить гепарду достаточно просторный вольер. А скрывать зверей от посетителей — это уж никак не вяжется с назначением зоопарка... Еще я внушала ему, что медлить нельзя — гепард стоит на втором месте в списке животных, которым угрожает вымирание, и совершенно необходимо, не теряя времени, обеспечить разведение гепардов в тех местах, где они еще могут размножаться. Эльса и Пиппа уже доказали, что такой утопический идеал вполне способен превратиться в действительность: раз уж самых крупных кошек удалось сохранить таким путем, то спасти остальных животных, находящихся на грани вымирания, будет не так уж трудно — конечно, если найти необходимые средства и людей, готовых посвятить себя этой работе.

Да, обидно было терять столько времени в Англии: ведь из моей жизни выпадали самые важные месяцы из всех, которые я могла провести рядом с Пиппой и ее детьми. В это время увидела свет моя первая книга о Пиппе — «Пятнистый сфинкс», и я с радостью помогала организовывать ее распространение, хотя почти ежедневно приходилось давать интервью, выступать по радио и телевидению. Нужно было составить программу из того огромного киноматериала, который скопился у меня за четыре года, проведенные рядом с гепардами. Единственное, что заставляло меня заниматься хлопотами, это необходимость поддерживать Фонд Эльсы и Фонд охраны диких животных: все мои разработки предназначались для них.

Но, как говорится, капля камень точит, и эта бурная деятельность не избавляла от грызущего беспокойства за Пиппу и ее детей. Наконец оно стало совершенно непереносимым — я махнула рукой на всякое лечение, отменила все назначенные встречи и первым самолетом вылетела в Кению. Еще три дня мне пришлось ждать в Найроби, пока Бен не приехал за мной. Он сказал, что гепарды куда-то пропали: судя по следам, Пиппа бросила своих детей...

Как только мы добрались до лагеря, все без промедления выехали на поиски гепардов. Но удача пришла только на следующее утро. Пиппа пришла со стороны равнины Гамбо. Когда я подошла к ней, она замурлыкала, стала лизать мне руки и тереться своей шелковистой головой — я чувствовала, что она счастлива не меньше, чем я. Тем временем подросли молодые. Они так выросли, что я не сразу разобралась, кто здесь кто. Биг-Бой и Тайни стали намного крупнее Пиппы, а Сомба сравнялась с матерью. Все они проявляли интерес ко мне, но держались поодаль и немедленно ускользали, когда замечали малейшее движение в их сторону.

Когда Бен ушел, молодые стали носиться друг за другом по недавно выжженной равнине, подняв такую тучу пыли и пепла, что фотографировать было невозможно. Мне захотелось посидеть рядом с Пиппой — она лежала недалеко под деревом, но при моем приближении встала, позвала детей и двинулась обратно. Я провожала их взглядом и вдруг заметила, что Пиппа слегка прихрамывает. Что случилось?

Гепарды пошли к тенистому дереву, я за ними. Вскоре все уселись в тени. Тайни и Биг-Боя быстро сморила полуденная жара, но Сомба не пропускала ни малейшего моего движения и моментально отшатывалась, когда я пробовала чуть-чуть подвинуться к ней.

Нас окружали теперь такой мир и покой, меня переполняло чувство освобождения от страха и напряжения прошедших недель. Не знаю почему, но только рядом с животными меня охватывает ощущение бесконечного покоя. Животные гораздо лучше, чем мы, люди, чувствуют, как относятся к ним другие существа; только людям можно заморочить голову словами — звери полагаются на свою способность улавливать мысли и никогда не ошибаются.

В каждом из детей Пиппы осталась жить какая-нибудь ее милая черта. Биг-Бой вместо нее стал заботиться о своем семействе; ласково вылизывая брата и сестренку, он успокаивал их, и они наконец ложились рядом и прижимались к нему, как раньше к Пиппе. Тайни унаследовал ее обаяние и доверчивую серьезность, а Сомба придательно ловила малейшие признаки опасности, охраняя семью.

Я разглядывала равнину в бинокль и тут в траве, метрах в ста,

заметила льва. Он смотрел прямо на меня и не шевелился. Трава почти скрывала его, но я могла рассмотреть, что он был чудовищно худ. Потом заметила, что у него под глазом торчит игла дикобраза. Эти иглы таят в себе смертельную опасность для всякого хищника. Должно быть, у него и в лапах полно игл, так что каждое движение причиняет ему мучительную боль.

Наши гепарды совершенно не замечали этого соседства и преспокойно грызли мясо. Я сделала знак Локалю, и мы устроились между львом и гепардами, наблюдая за их поведением. Наконец Тайни что-то заподозрил. Уставившись на льва, он вдруг с каким-то странным стонущим рычаньем бросился прочь, за ним понеслись Биг-Бой и Сомба. Я облегченно вздохнула — хорошо, что они сами заметили льва: мне совсем не хотелось нарочно пугать их — ведь разрушить установившуюся между нами хрупкую связь было так легко.

Я принялась звать льва, повторяя имена львов Джорджа, но он даже ухом не повел, хотя смотрел на меня не отрываясь. Оставлять раненого льва в такой близости от управления заповедника было нельзя: погнав Локаля в обход к нашей машине, я пошла в контору. Выслушав мой рассказ, Джордж очень встревожился. Директор заметил, что из всех львов, которых ему пришлось пристрелить, девяносто процентов были искалечены иглами дикобраза. Из одной львицы он вытащил шестьдесят иголок! Он всегда старался при малейшей возможности спасти жизнь несчастным животным и этому льву тоже попытается помочь, но все же взял с собой крупнокалиберную винтовку на тот случай, если помощь опоздала...

Мы снова на несколько дней потеряли Пиппиных детей, но потом отыскали их возле скалы Леопарда, в пятнадцати милях от прежнего места. Я сняла на киноплёнку, как молодые гепарды едят в позиции «звезды» — это очень характерная для гепардов привычка: каждый старается держаться на равном расстоянии от других, чтобы не «толкали под локоть». Как раз когда я перезаряжала камеру, появился черный носорог — он шел прямохонько на нас. В мгновение ока все гепарды припали к земле, не спуская глаз с толстокожего. Наконец, видимо, до того долетел наш запах — он остановился, крутанул на месте, подозрительно

принюхался, но все же опять пошел в нашу сторону. Это было похоже на танец — животное продвигалось короткими шажками и вдруг снова остановилось. Тут Сомба молнией бросилась на носорога, и тот с треском помчался прочь, а она пронеслась за ним, чуть не висая у него на хвосте. Я успела зарядить камеру и могла бы запечатлеть эту уморительную сцену, да на беду прикатила машина с посетителями, и все удовольствие было испорчено.

История на этом не закончилась. Некоторое время молодые гепарды оставались возле скалы Леопарда. Там же находились и шесть наших белых носорогов — по ночам их держали в огороженном загоне, а днем они бродили на свободе и два егеря пасли их, как обыкновенный скот.

Однажды утром мы только что покормили гепардов, и они улеглись поспать, когда мимо проществовали эти носороги. Гепарды умчались прочь быстрее молнии. Меня это очень удивило: ведь всего несколько дней назад они гонялись за диким черным носорогом просто так, из озорства. Неужели они понимали, что белые носороги — чужаки, и только по этой причине отнеслись к ним так же, как и Пиппа в свое время?

В другой раз, проискав гепардов все утро и окончательно измучившись, мы собирались позавтракать на берегу Муреры. Здесь река бежала мимо скалистого обрыва, поросшего пальмами, фиговыми деревьями и акациями: ползучие растения так оплели деревья, что образовался зеленый шатер, под сенью которого мы и устроились. Несмотря на то, что река внизу оглушительно шумела и всюду, куда ни глянь, суетились птицы или насекомые, меня охватило слегка жутковатое ощущение потери времени — ощущение вечности, столь же непрерывной, как сама жизнь. Почему только здесь я чувствую себя в безопасности, а там, в цивилизованном мире, который человек нагородил вокруг себя, я никогда не могла найти покоя? Может быть, потому, что мы всегда стараемся вмешаться в течение жизни и управлять ею — хотя она по самой природе своей не поддается управлению? Животные, которые живут только настоящей минутой и приспособляются ко всем неожиданностям, выживали в течение миллионов лет; а если мы пробуем все повернуть по-своему, удастся ли нам выжить? Здесь меня окру-

жает нечто неизменное, то есть вся жизнь, во всех ее проявлениях. В цивилизованном мире нет ничего, кроме человека. Я думала: только бы мне удалось помочь этому неизменному, вечному; для начала помогая сохранить жизнь диким животным. Ведь они ключ к пониманию всего, и если бы мне это удалось, я считала бы, что собственная моя жизнь не прошла даром.

Теперь я была ближе, чем когда-либо, к разгадке до сих пор неведомых фактов жизни гепардов, например, их поведения в период полового созревания, но мне запретили дальше проникать в эту тайну — я обязана была подчиниться предписаниям администрации заповедника.

На следующее утро весь парк потонул в густом тумане. Мы прошли по следу гепардов больше трех миль, и снова я звала: «Пиппа, Пиппа, Пиппа, Пиппа». Наконец я увидела сидящего на дереве гепарда. Некоторое время я наблюдала за ним, но он не трогался с места. Я опять позвала,

но зверь не обратил на мой зов никакого внимания. Что же это такое? Если это один из наших трех гепардов, то где же остальные, а если гепард дикий, почему он не убегает? Я оставила своих помощников на месте, а сама потихоньку стала подходить поближе к гепарду — и вдруг узнала Уайти! Очевидно, она услышала знакомое имя Пиппы и пришла сюда. Она была жива и здорова, стала очень большой, но до сих пор сохранила все обаяние младенчества.

На всякий случай мы носили с собой банку сгущенного молока, я теперь и дала его Уайти. Прошло два года и три месяца с тех пор, как я кормила ее в последний раз, с тех пор я видела ее всего однажды, год назад, когда она была на сносях, и все же, несмотря ни на что, она подошла ко мне так доверчиво, как будто мы никогда не расставались, и стала лакать молоко. Потом она уселась на поваленном дереве, так что силуэт четко рисовался на фоне неба — мож-

но было подумать, что она специально позирует для фотографии. Я дала ей еще молока, поднеся мисочку прямо к морде: тут она негромко зарычала, но все же вылакала молоко без остатка. Но вот она пристально осматривала окружающие заросли, потом спрыгнула с дерева и скрылась — ушла в свой мир.

Глядя ей вслед — она уходила не торопясь, — я почувствовала не с чем не сравнимую радость. Уайти жила на свободе уже больше двух лет. Я подумала, что теперь, может быть, она возвращается обратно к своим детенышам. И все же она признала во мне старого друга, хотя и не проявила ни малейшего желания вернуться в свой прежний дом. Если бы мне пришлось в голову желать награды за все мучения, которые пришлось пережить за последние годы, это и было бы величайшей наградой, какую только можно придумать.

Некоторое время спустя мы встречали всю нашу тройку в полумиле от этого места. Интерес-

С. БАРСОВ

НЕВОЗМОЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В 1927 году американский археолог Ф. А. Митчел-Хеджес вел раскопки обнаруженного им Лубантуна — «Города упавших камней», древней цитадели майя в джунглях Британского Гондураса. Больше недели он с помощью дочери Анны разбирал остатки массивной стены, рухнувшей на алтарь в одном из тамошних храмов. Еще бы, ведь под грудой камней могли скрываться неизвестные науке барельефы и рисунки, которые, возможно, прольют новый свет на многочисленные загадки исчезнувшей культуры. Однако в тот день Митчелу-Хеджесу суждено было лишь прибавить к ним еще одну неразгаданную тайну. Археолог уже собирался отправиться на отдых, как вдруг в сумрачное помещение упал луч заходящего солнца, и под ним в груде щебня и мусора ярко засверкал какой-то предмет. Ментально были забыты и усталость, и ободранные в кровь пальцы. Неужели какое-нибудь золотое украшение? Митчел-Хеджес принялся осторожно, по камешку разбирать завал, который, может быть, скрывал неведомое сокровище.

Нет, это было не золото, но ценность находки от этого не уменьшилась. В руках у археолога оказался женский череп из... полированного кварца. Местами в

нем просвечивали дымчатые пятна и маленькие шарики, словно пузырьки воздуха.

Даже мельчайшие детали были выполнены со скрупулезной точностью. Все вместе это придавало пятикилограммовому камню поразительный вид чего-то живого. И не просто живого, а мрачного, рокового. Позднее Митчел-Хеджес пришел к выводу, что череп играл немалую роль в религиозных обрядах майя, будучи тем самым «Черепом смерти», о котором упоминается в древних преданиях. В тайных покоях своих храмов верховные жрецы майя якобы часами всматривались в него, желяя гибели своим врагам. Эта версия и послужила поводом назвать находку Митчела-Хеджеса «Скал оф дум» — «Черепом смерти», или «Черепом рока».

Впрочем, его необычные качества были полностью раскрыты позднее Фрэнком Дорландом, искусствоведом-реставратором, шесть лет изучавшим череп из Лубантуна. Сделанные им открытия не менее удивительны, чем находка Митчела-Хеджеса. Во-первых, как установил Дорланд под микроскопом, череп первоначально был высечен из целого кристалла кварца без применения металлических орудий, а затем отполирован смесью скорее всего кремниевых песка и кварце-

вой крошки, приготовленной в виде пасты. На это, по его мнению, потребовалось никак не меньше трехсот лет. Далее, нижняя челюсть весьма подвижна, поскольку она закреплена в полированных гнездах. Если череп свободно подвешен в воздухе, то достаточно незначительного усилия, чтобы челюсть начала двигаться, создавая тем самым впечатление человеческой речи.

Однако самое поразительное даже не в этом. За сотни лет до появления современной волоконной оптики и физики световодов древние мастера сумели добиться сходного оптического эффекта с помощью сложной системы призм, линз и полых каналов. Например, свеча, помещенная под висящим черепом, заставит заблестеть его глазницы. При соответствующем навыке можно даже добиться, чтобы из них шли тонкие лучики света. Наконец, если свечу заменить какими-нибудь предметами, то при определенном положении они будут проецироваться в глубины черепа.

В результате исследований Дорланд выдвинул собственную версию происхождения «Череп смерти». По его мнению, он был изготовлен в Древнем Египте или Вавилоне и лишь гораздо позднее привезен в Центральную Америку. Майя же завершили его полировку и усовершенствовали систему призм и линз. «Можно себе пред-

но, видели ли они Уайти и как они отнеслись друг к другу при встрече? Может быть, Уайти встретила их по-матерински, а может, увидела в них чужаков на своей территории? Или, может статься, она заинтересовалась Биг-Боем и Тайни, а с Сомбой начала сражаться как с соперницей?

Пообедав, гепарды отправились отдыхать. Вскоре они так разоспались, что им уже не мешало мое присутствие, и я сидела рядом, рисовала и фотографировала. Да, это было невероятно трудно — оставаться верной своим правилам и не прикасаться к гепардам, особенно когда шелковистый хвост Сомбы скользнул по моим ногам. Но я вспомнила Уайти и снова подумала, что никогда нельзя быть эгоистичной в любви к этим малышам, если я хочу, чтобы они так же счастливо жили на свободе, как прежние дети Пиппы.

На другой день мы опять до полудня занимались поисками.

Это был пятый Новый год с тех

пор, как я основала свой лагерь, чтобы жить с Пиппой и ее детьми в заповеднике Меру, и, как ни печально, это рождество было для нас последним в этих местах. Всю жаркую пору гепарды отдыхали, иногда разрешая мне сидеть поблизости. И на этот раз мне была предоставлена эта привилегия, причем Сомба больше не настораживалась и даже время от времени дотягивалась лапами до моих ног. Тайни меньше других одобрял такую фамильярность — а ведь ему было прекрасно известно, что он мой любимчик. По сравнению с Биг-Боем он до сих пор казался очень хрупким, но зато всегда был оживлен и очень мил.

Я села совсем близко к Тайни. Вот он поднялся среди волнующейся травы, словно врезанный в яркую синеву неба, сгущенную сиянием вечернего солнца, — трудно было вообразить себе что-либо прекраснее! Но для меня это было нечто большее, чем великолепное дикое животное среди величественной африканской

равнины. Мне показалось, что мы перенеслись в те далекие времена, когда человека и зверя еще соединял дружеский союз, когда они доверяли друг другу. Но я знала, что через несколько дней все это волшебство должно быть разрушено и мне нужно заранее подготовить Тайни к той жизни, в которой он не должен доверять другим людям, — тогда он не попадет в беду. И теперь я старалась растянуть эти драгоценные минуты, с болью думая о том, что скоро, слишком скоро они превратятся всего лишь в дорогое воспоминание.

Но я, по крайней мере, имела право утешать себя тем, что дети Пиппы смогут жить совершенно свободной жизнью среди дикой природы, что я оставляю их в прекрасном состоянии и они вполне подготовлены к любым неожиданностям, что бы ни выпало им на долю.

Перевела с английского
М. КОВАЛЕВА

ставить, какой эффект создавал висевший в полутьме над алтарем череп со сверкающими глазницами, двигающий челюстью и изрекающий повеления богов, — писал Дорланд. — Тем более когда в нем можно увидеть любые предметы реальной действительности — лица людей, горы, зверей — и плоды собственного воображения в переливчатой игре туманных пятен... Я сам наблюдал эффект, который оказывает этот череп из кварца на впечатлительных людей. У одних учащается пульс, другие испытывают жажду или ощущают различные запахи, некоторые даже засыпают. Жрецы, которые пользовались им, могли прослыть действительно всемогущими».

Возможно, ученые еще скажут свое последнее слово о назначении, происхождении и загадках «Череп смерти», тем более что в прошлом году дочь Митчела-Хеджеса передала его Музею американских индейцев в Нью-Йорке. Пока же остается в силе заключение эксперта-минералога из фирмы «Хьюлетт-Паккард компани», приведенное в журнале «Аргоси» (Argosy vol. 376, № 4): «Проклятая штукавина просто не должна существовать на свете. Те, кто ее высекал, не имели ни малейшего представления о кристаллографии и совершенно игнорировали оси симметрии. Она неминуемо должна была разлететься при обработке».

